

Даже если эта зависимость болезненна, он верит только Янь Фэну.

Линь Цзиньчжи всякий раз, глядя на маркиза Линя, испытывает невыносимую боль.

Ведь маркиз Линь сейчас точь-в-точь как Чу Янь когда-то: он доверяет лишь одному человеку.

Однако участь Чу Яня куда печальнее, чем у маркиза: тот, кому он верил больше всех, предал его.

Ваше Величество, вы ведь тоже это чувствуете?

Когда-то, еще в бытность при дворе Вана Лина или в те времена, когда над ним издевались, только он один протянул Чу Яню платок. И тот ребенок, сохранив привязанность к прошлому, берег этот платок все эти годы, повсюду носил его с собой.

Чем сильнее безумствовал маркиз Линь, тем мучительнее становилось Линь Цзиньчжи.

Почему отец вообще пошел на такое?

Позже Линь Цзиньчжи встретился с Янь Фэном. В руках у того был справочник — записи о будущем, предсказанном маркизом Линем.

— Что это?

— Я уже слышал, что Вы, господин, возглавили армию Уань и спасли Ваше Величество. Раз так, то и я открою Вам правду.

Линь Цзиньчжи листал записи и не мог сдержать дрожь: большая часть предсказаний уже сбылась.

— Похоже, маркиз Линь обладает даром предвидения. Видя всё это... неужели Вы, господин, не считаете, что в этом теле поселилось нечто нечистое? Когда меня приставили следить за маркизом, я тоже думал, что Ваше Величество заходит слишком далеко. Но теперь, когда события из записей одно за другим воплощаются в жизнь, мне кажется, что маркиз Линь уже не тот, что прежде, а в его тело вселился какой-то бес.

Лицо Линь Цзиньчжи побелело. Ему хотелось возразить, что благородный муж не говорит о духах и чудесах, но слова застряли в горле, и он не смог выдать ни звука.

Почему отец так настаивал на его общении с Седьмым принцем? Почему отец одновременно и нападал на принца, и испытывал перед ним благоговейный страх?

Ответ был очевиден. Линь Цзиньчжи был умен; он сжал справочник так, что костяшки пальцев побелели.

Теперь ему хотелось лишь одного — вернуться во дворец и увидеть Чу Яня.

Это желание крепло с каждой минутой. Он должен спросить Чу Яня прямо: почему тот заточил его отца?

Он не хотел приходить к этому выводу самостоятельно.

Но по прибытии во дворец его ждало страшное известие.

Гао Хуа умер.

Взгляд Чу Яня снова погас, погрузившись в мертвую тишину. В этот раз его тело угасало еще быстрее, чем прежде, и никто не мог его спасти.

Он сам стремился к смерти.

Гао Хуа так и не удалось выкарабкаться. Чу Янь заходил в его комнату. Тело Гао Хуа пролежало там день или два, прежде чем его обнаружили. В те дни, когда во дворце бушевал мятеж, он тихо скончался там, где никто не мог его увидеть. А ведь Чу Янь обещал ему безбедную жизнь до конца дней.

Чу Янь приказал провести тщательное расследование, и через несколько дней результат был получен.

Оказалось, что один из приспешников Ван Лина, пытаясь сбежать, наткнулся на Гао Хуа и хотел взять его в заложники. Гао Хуа наотрез отказался подчиниться, и в завязавшейся борьбе мятежник убил его. Опасаясь обнаружения, убийца остался прятаться в комнате Гао Хуа, не обращая внимания на то, что рядом лежит труп.

Услышав об этом, Хань Чжэн терзался невыносимым чувством вины.

После нескольких дней избегания встреч он наконец пришел к покоям и опустился перед Чу Янем на колени:

— Ваше Величество, Ваш слуга виновен, молю о наказании.

Прекрасные глаза Чу Яня были полны безжизненности. Он опустил взгляд, и его взор, упавший на Хань Чжэна, был таким легким, словно вот-вот должен был развеяться.

Хань Чжэн, мучаясь от боли, произнес:

— Ваше Величество, Чжан Вэнь был моим побратимом. Я думал, что именно Вы погубили его, поэтому и решился на...

— Чжан Вэнь... дядя?

Спустя несколько дней молчания Чу Янь наконец заговорил.

Хань Чжэн продолжал низко склонять голову:

— Да.

— Он был твоим побратимом... А ты, значит, мой дядя?

Хань Чжэн крепко сжал кулаки:

— Да.

— Ты мой дядя, так почему же ты так со мной поступил? — Чу Янь вдруг горько усмехнулся, и в его смехе зазвенел холод. — Лучше бы я никогда не узнавал этой правды.

— Молю Ваше Величество о наказании.

— Ты действительно заслуживаешь смерти.

Чу Янь подошел к нему. Он встал с кровати прямо так, босиком. Перед глазами Хань Чжэна мелькнула полоска белой кожи, на которой проступали тонкие голубоватые вены. Чу Янь был невероятно красив, каждое его движение напоминало изящество драгоценного нефрита.

Даже эти ступни были совершенны.

Хань Чжэн сглотнул, не в силах сдержаться, он протянул руку и обхватил его стопу:

— В марте еще холодно, Ваше Величество, лучше обуйтесь.

Чу Янь приподнял бровь.

[Кажется, Хань Чжэн трогает мои ноги.]

[Он не такой извращенец, как Ван Лин! Хозяин, не выдумывайте!]

[...Оу.]

Целью Чу Яня было унижить Хань Чжэна, отомстив за прошлое. Поэтому, когда Хань Чжэн обхватил его ногу, Чу Янь решил, что тот пытается оказать сопротивление:

— Отпусти! Ты все еще хочешь бунтовать?

Подушечки пальцев Хань Чжэна едва заметно погладили его пальцы ног — движение было столь неуловимым, что его почти невозможно было заметить.

Кожа была прохладной на ощупь, словно отполированный нефрит.

— Я не пытаюсь бунтовать, я лишь хочу, чтобы Ваше Величество были здоровы. Ходить босиком по полу вредно.

Чу Янь холодно усмехнулся:

— Ты думаешь, я поверю в эти слова?

Хань Чжэн опустил голову, его тело оставалось неподвижным, словно сосна.

Чу Янь убрал ногу с его плеча, сел на край кровати и посмотрел на Хань Чжэна сверху вниз:

— Раз уж ты так заботаешься о моем здоровье, не хочешь ли ты, Великий генерал, сам надеть на меня обувь?

Чу Янь жаждал унижить его, заставив выполнять работу слуги. Он прищурился, наслаждаясь выражением позора на лице Хань Чжэна.

Услышав приказ, Хань Чжэн действительно поднялся, подошел к нему шаг за шагом и опустился на колени у его ног.

Горло Хань Чжэна снова дернулось, а во взгляде промелькнул жар.

— Великий генерал, вы колеблетесь?

— Не смею.

Хань Чжэн взял обувь и принялся бережно надевать ее на ноги Чу Яня. Нельзя было не признать, что Чу Янь был ошеломительно прекрасен. Дыхание Хань Чжэна сбилось, глядя на эти белые, безупречно гладкие ступни, он ощутил безумное желание припасть к ним губами.

Руки Хань Чжэна дрожали, когда он касался ног Чу Яня.

Чу Янь невольно усмехнулся: похоже, Хань Чжэн все еще не в восторге.

Раньше так с ним обращался, а теперь, чтобы выжить, вынужден так унижаться.

— Что такое? Еще не надел?

Для Хань Чжэна это было настоящей пыткой, особенно под насмешливым, ленивым взглядом Чу Яня, чья одежда соскользнула с плеча, обнажая соблазнительную картину.

На виске Хань Чжэна вздулась вена, и лишь с огромным трудом он закончил обувать его.

— Я закончил, Ваше Величество.

Чу Янь немного помучил его, показав, кто здесь хозяин, и решил не продолжать.

Он махнул рукой:

— У меня болит голова, хочу побыть один.

Услышав о недомогании, Хань Чжэн встревоженно посмотрел на него:

— Вам плохо? Нужно позвать лекаря? Позвольте мне остаться и составить Вам компанию!

Такой Хань Чжэн был совсем не похож на того, что был прежде. Раньше он готов был умереть, лишь бы не видеть его.

Чу Янь с горькой усмешкой произнес:

— Что ты будешь делать здесь? Споешь мне песенку? Развлечешь меня?

Кто бы мог подумать, что Хань Чжэн покраснеет и, запинаясь, начнет петь:

— Разве скажешь, что нет одежды? Мы с тобой носим один халат...

Это была военная песня, пел он из рук вон плохо, постоянно сбиваясь.

Но к удивлению Чу Яня, Хань Чжэн действительно пел, ничуть не заботясь о том, что его только что унизили.

[Конец, кажется, мой враг влюбился в меня.]

[!! Вот черт, доигрался!]

[Думаю, стоит ли сделать вид, что я не замечаю...]

[Не ломай характер персонажа! Иначе сниму баллы! Делай что хочешь, хм!]

Услышав это, Чу Янь струсил и принялся отыгрывать роль на полную.

Он откинулся на подушки, полуприкрыв глаза. Когда Хань Чжэн закончил, Чу Янь смягчил тон:

— Звучит лучше, чем некоторые дворцовые слащавые напевы.

Хань Чжэн, услышав похвалу, подался вперед:

— Если Вам нравится, Ваше Величество, я буду петь для Вас чаще.

Чу Янь резко открыл глаза:

— Хань Чжэн, что ты этим хочешь сказать?

В глазах Хань Чжэна отразилась боль:

— Я просто хочу искупить свою вину перед Вами. Раньше я ошибочно судил о Вас. Этот негодяй Ван Лин, он ведь...

— Не нужно! — Чу Янь прервал его. — Мне не нужна твоя жалость.

Хань Чжэн хотел что-то сказать, но губы лишь беззвучно дрогнули, и он промолчал.

Видя состояние Чу Яня, он был вынужден отступить.

Лекарь Е ясно дал понять: Чу Яня больше нельзя подвергать стрессу. Его психика уже серьезно расшатана, а те, кто страдает от безумия, часто не могут вернуться к реальности, если их слишком сильно тревожить.

Во дворце снова остался только Чу Янь. Той же ночью у него начался жар.

Гао Хуа умер, и рядом не осталось никого, кто мог бы проявить заботу.

Чу Янь винил себя: почему он не успел спасти Гао Хуа раньше, почему позволил приспешнику Ван Лина отнять его жизнь?

Узнав об этом, Линь Цзиньчжи, все еще занятый делами, вернулся к Чу Яню.

Лекари, увидев молодого господина Линя, кланялись ему: в конце концов, именно он сейчас держал в руках бразды правления.

Глядя на Чу Яня, чье лицо горело от жара, Линь Цзиньчжи чувствовал, как сердце разрывается от боли.

— Лекарь Е, как он?

Лекарь Е ждал его здесь уже давно, зная, что тот придет.

После того как план Чу Яня был раскрыт, лекарь Е винил себя до предела. Не зная всех обстоятельств, он возложил всю ответственность за состояние Чу Яня на Линь Цзиньчжи.

Сдерживая ярость, он низко склонил голову:

— Вашему Величеству нужен покой! Прошу, не тревожьте его больше!

Линь Цзиньчжи нахмурился и протянул руку, чтобы коснуться лица Чу Яня.

— Когда он придет в себя?

Лекарь Е стиснул зубы:

— Неизвестно.

Линь Цзиньчжи наконец перевел взгляд на лекаря:

— Неизвестно? Вы же лекарь, как вы можете не знать?

Лекарь Е было невмоготу видеть, как Линь Цзиньчжи, причинивший столько боли, теперь разыгрывает заботу. Не выдержав, он выхватил спрятанный кинжал и бросился на него:

— Умри!

Он защитит Ваше Величество от этого человека!

Кинжал летел слишком быстро. Линь Цзиньчжи напрягся и, контролируя свое тело, увернулся от удара.

Лекарь Е целился в жизненно важные органы, и хотя Линь Цзиньчжи удалось избежать смерти, лезвие полоснуло его по руке.

Кинжал был острым, ткань одежды разошлась, и из раны на руке Линь Цзиньчжи хлынула кровь.

Тяжело дыша, он зажал рану:

— Дерзкий! Ты совсем сошел с ума!

Свет свечей падал на лицо лекаря Е, чьи зрачки расширились до предела:

— Убью тебя! Убью! Тогда Ваше Величество больше не будет мучиться!

Это выглядело совершенно безумно. Линь Цзиньчжи стиснул зубы, боясь, что безумие лекаря навредит Чу Яню.

Он осторожно отступил, стараясь увести лекаря Е подальше от кровати.

Кровь из раны на руке текла обильно, пропитывая одежду и медленно расплываясь пятном.

— Лекарь Е, если вы сейчас остановитесь, я подарю вам жизнь.

— Господин Линь хочет позвать стражу? Но их всех отозвал генерал Хань.

В глазах Линь Цзиньчжи мелькнуло изумление.

— Это я сказал генералу, что Вашему Величеству нужен покой и никто не должен беспокоить его.

Линь Цзиньчжи нахмурился:

— Ты оказался настолько расчетлив!

Голос лекаря Е сорвался на крик:

— А что с того?! Вы с Хань Чжэном понятия не имеете, насколько тяжело болен Его Величество!

Внешне он может казаться лучше, временами приходить в себя, но его дух на пределе, он постоянно кашляет кровью, и никакие лекарства не помогут. Кто виноват в этом? А теперь вы пришли сюда, притворяясь любящими и заботливыми?

Услышав это, Линь Цзиньчжи сбился с дыхания:

— Но другие лекари уверяли меня, что если обеспечить покой, он поправится!

— Это потому, что ты пригрозил нам смертью, если Его Величество не выздоровеет! Конечно, они обманывали тебя, чтобы спасти свои шкуры!

Линь Цзиньчжи застыл на месте. Тот, кто всегда сохранял спокойствие, теперь был в панике. В его голове была лишь одна мысль: болезнь Чу Яня.

Лекарь Е, казалось, окончательно потерял терпение и снова бросился с кинжалом, каждое движение было пропитано жадной кровью.

Линь Цзиньчжи перестал уворачиваться:

— Ты прав... во всем виноват я.

Лекарь Е замедлил шаг:

— Опять строишь козни? Хочешь притвориться несчастным, чтобы вызвать жалость?

Линь Цзиньчжи горько усмехнулся:

— Думай как хочешь.

Его взгляд прошел сквозь лекаря Е и устремился к Чу Яню.

Ночной ветер колыхал шторы. Желтый шелк тихо раскачивался, а человек на кровати продолжал спать. Его черты были прекрасны, Линь Цзиньчжи помнил, как красиво он выглядел, когда открывал глаза.

Сейчас, в этом безжизненном сне, он был совсем не так прекрасен.

Он хотел, чтобы он жил — жил долго и счастливо.

— Если Ваше Величество умрет, я уйду вслед за ним.

Лекарь Е широко открыл глаза.

— Я никогда не женюсь, я прерву род семьи Линь ради Его Величества, пусть даже я останусь последним. Что бы ни случилось, я никогда больше не предаю его, я всегда буду на его стороне. Даже если он не захочет на меня смотреть и прикажет умереть, я готов перерезать себе горло в ту же секунду.

На лице Линь Цзиньчжи отразилась нежность, словно он произносил не клятву, а самые сладкие признания в любви.

Лекарь Е был потрясен его словами, но все еще считал, что этот коварный господин Линь просто пытается его обмануть, чтобы он не нанес удар.

— Я не верю тебе!

— Думай как хочешь, мне не нужно, чтобы ты мне верил, — холодно ответил Линь Цзиньчжи.

Даже узнав правду, тот нежный господин Линь уже не мог вернуться. В череде этих событий он стал совершенно иным человеком.

Если бы Чу Янь знал мысли Линь Цзиньчжи, он бы лишь прокомментировал: после того как персонаж стал «черным», вернуться к прежнему состоянию не так-то просто.

— Господин Линь, вы так красноречивы, я чуть было не поверил. Если вы действительно так любите Его Величество, почему раз за разом причиняете ему боль?

Лекарь Е снова бросился на него, завязалась борьба. Кинжал был уже совсем близко, когда их прервал голос.

Чу Янь перехватил лезвие рукой и сказал лекарю:

— Отпусти его.

Лицо лекаря Е изменилось, он мгновенно разжал пальцы.

В глазах Чу Яня застыла печаль. Кинжал выпал из его рук, а сама рука бессильно опустилась, и на пол закапала кровь.

— Ваше Величество!

Чу Янь твердо сказал лекарю:

— Никому не позволено причинять ему вред, его жизнь принадлежит мне!

Эти слова потрясли Линь Цзиньчжи до глубины души.

Бесчисленные чувства переплелись в нем: радость и горечь плотно сплелись в его сердце, словно нити.

Он радовался, что Чу Янь все еще защищает его, несмотря на содеянное; и горевал оттого, что их отношения уже никогда не станут прежними, Чу Янь больше не доверится ему, сколько бы усилий он ни прикладывал.

Тело Чу Яня качнулось, и он зашелся в приступе кашля.

Его раненая рука, но он машинально прикрыл ею рот.

Кровь окрасила его бледные щеки, когда он выплюнул сгусток крови.

Линь Цзиньчжи и лекарь Е, охваченные болью, бросились к нему:

— Ваше Величество, ложитесь скорее!

Чу Янь смотрел на кровь на своих руках, не в силах вымолвить ни слова.

Он спросил спокойным, низким голосом:

— Я умру?

— Нет! Ваше Величество, не думайте об этом!

Чу Янь не поверил ему. Он вернулся на кровать и позволил лекарю перевязать руку. Глядя в пустоту, на полог кровати, он сказал:

— Жизнь Линь Цзиньчжи принадлежит мне. В этот раз я прощаю тебя, но впредь не смей так поступать.

Лекарь Е вытер слезы:

— Слушаюсь.

Линь Цзиньчжи понимал: Чу Янь сказал это, чтобы защитить лекаря, ведь за такое преступление полагалась смерть, но Чу Янь спас его.

Линь Цзиньчжи безумно радовался: Чу Янь все еще помнит о нем.

Отдать свою жизнь Чу Яню — это лучшее, что он может сделать!

Когда лекарь ушел, во дворце остались только они двое.

Чу Янь словно снова провалился в сон, тихо бормоча что-то во сне.

Линь Цзиньчжи приблизился и услышал:

— Почему я все еще... люблю тебя?

Не успел Линь Цзиньчжи обрадоваться, как услышал:

— Я ненавижу тебя.

Его сердце в одно мгновение рухнуло с небес в ад, без надежды на спасение — это была кара за его грехи.

—

Чу Янь приходил в себя все реже, большую часть времени проводя в забытии.

Смерть Гао Хуа нанесла ему тяжелый удар.

Ни Линь Цзиньчжи, ни Хань Чжэн не могли понять, что на самом деле творится в душе Чу Яня.

Линь Цзиньчжи, услышав те слова во сне, больше не решался приходить. Даже тоскуя до безумия, он боялся, что один его вид вновь вызовет у Чу Яня приступ.

Слова лекаря Е эхом отдавались в его голове, и раскаяние жгло его изнутри — он готов был сам себя избить за прошлое.

Прошло несколько дней, но вестей о выздоровлении не было.

Линь Цзиньчжи, не в силах больше ждать, отправился в покои Чу Яня.

Хотя бы просто постоять снаружи и взглянуть на него...

Когда он подошел ближе, то увидел сцену, от которой его охватила ревность, граничащая с безумием.

Хань Чжэн неуклюже пел песню. Слова уже сменились с жестких военных маршей на то, чему его учил Чу Янь: Чу Янь пел строчку, а он повторял. Наконец-то у них получилось спеть в унисон.

Хань Чжэн пел так забавно, что Чу Янь, давно не улыбавшийся, искренне рассмеялся.

Видя его улыбку, Хань Чжэн был готов выглядеть нелепо — лишь бы Чу Янь перестал хмуриться, все остальное было неважно.

— Довольно, не пой. Помоги мне встать, хочу пройтись по саду.

Хань Чжэн подошел и коснулся тела, о котором мечтал каждую ночь.

<http://bllate.org/book/22166/2309061>